

*Адин Штейнзальц отвечает
на вопросы Михаила Горелика*

- Обычно человек подсознательно уверен в собственном бессмертии. Тут работает механизм вытеснения. Разумеется, люди умирают, но это другие люди - ведь я-то не из таких, уж со мной-то этого никогда не случится. Скажем, могильщики - они всегда перед лицом смерти, однако же, как известно, не живут в постоянном унынии и печали, во всяком случае, большинство из них. Они делают мир на тех, кто хоронит и кого хоронят. Поскольку хоронят не их, они чувствуют себя очень хорошо. И сохраняют чувство юмора.

- Но все-таки на рациональном уровне люди прекрасно понимают, что это случится и с ними, что и они тоже рано или поздно умрут.

- Ну конечно, они это знают, но это абстрактное знание никак не влияет на их поступки, планы и жизненные установки. Жизнь многих людей строится на неформулируемом предположении, что она будет продолжаться бесконечно. Рамбам, размышляя над этим интересным явлением, называл такую установку безумной, однако полагал, что это безумие - необходимая предпосылка развития: действительно, если ты можешь умереть в любой момент, стоит ли строить дворец, который простоит двести лет? Зато только благодаря такому безумию (говорит Рамбам) в мире вообще существуют дворцы. Осознание смерти как реальной возможности именно для тебя может решительно изменить человеческую жизнь.

- Означает ли это, что человек, задумавшийся о смерти должен стать лучше?

- Лучше? Почему лучше? Совершенно необязательно. Разве если он перестанет строить дворец, он непременно станет лучше? Ведь можно рассуждать и так: если завтра все равно помирать, то уж сегодня надо погулять на славу. Если вчера такой человек еще как-то считался с окружающими, сегодня он вообще не принимает их в расчет.

У меня был один знакомый офицер - его посылали на самые опасные задания. Он мог погибнуть в любой момент, и прекрасно это сознавал; в конце концов его убили. Так вот, когда какая-то девушка ему нравилась, он сразу говорил ей: "Хочешь со мной переспать?" - на ухаживание у него просто не было времени, все его планы простирались не далее сегодняшнего вечера.

Перед лицом смерти

Перед лицом смерти многое отпадает, смерть создает острое ощущение настоящего. Когда Яков предлагает Эсаву продать первородство, тот руководствуется именно такой логикой: доживу ли я вообще до того момента, когда эти права понадобятся? Между тем реальная плата за проблематичное будущее предлагается немедленно. Не следует забывать, что Эсав был охотник (а согласно нашему преданию, и разбойник); он постоянно подвергался опасности и привык жить сегодняшним днем.

- Но разве близость смерти не приводит человека к мысли подвергнуть свою жизнь ревизии, как-то ее переосмыслить?

- Да, такое случается. Но только вопрос в том, к чему приводит эта ревизия. Человек переосмысливает свою жизнь в соответствие с собственной иерархией ценностей. В обычной ситуации, когда он не думает о смерти, важное и неважное в его жизни перемешано. Теперь он, возможно, попытается отбросить то, что представляется ему второстепенным и посвятить остаток жизни главному. Допустим, главное в его жизни - оставить детям как можно больше денег. Теперь, когда он осознал, что времени у него осталось совсем немного, он вообще

Бояться надо не смерти - бояться надо неправильно прожить жизнь.

перестанет думать о средствах - ведь ему надо торопиться. Если главное - удовольствия, человек попытается за оставшееся время спустить все деньги, которые у него есть, поскольку будущее потеряло для него какую бы то ни было актуальность.

- Но ведь возможна и принципиально иная иерархия ценностей.

- Конечно, возможна. Но я хочу сказать, что эта иерархия не возникает вдруг, в один момент, как только человек подумал о смерти, - она создается всю жизнь. Чтобы стать оперным певцом надо серьезно потрудиться. Чтобы стать праведником - тоже. Смерть подводит итог, это завершение того, что было, точка в конце текста, который уже почти полностью написан, и у тебя (если обстоятельства позволяют) остается совсем немного времени, чтобы дописать последнее предложение. Но, чтобы текст вышел достойным, надо работать над ним всю жизнь, а не две недели перед смертью. Смерть задает масштаб. В наших утренних молитвах повторяются размышления Козлета о том, что все, что обычно почитается важным и ценным, в сущности равным счетом ничего не значит: и сила, и слава, и даже мудрость; дела несущественны, дни жизни ничтожны, и нет преимущества у человека перед животным.

- И что же, на этой пессимистической ноте все и завершается?

- Во все нет. В молитве говорится: и нет преимущества у человека перед животным, кроме чистой души, которая будет держать ответ перед Всевышним.

- Отсюда следует, что основная жизненная задача - поддержание чистоты души, и если это удалось, тогда смерть не страшна. Но разве такая установка не приводит к тотальному обесцениванию деятельности человека в мире? Если дела несущественны, а существенна только забота о чистоте души?

- Бояться надо не смерти, бояться надо неправильно прожить жизнь - только этот страх конструктивен, потому что помогает что-то реально изменить. Что же касается заботы о чистоте души, то она, согласно нашему пониманию, осуществляется, в том числе, и в многообразной деятельности человека в мире. И с этой точки зрения, дела могут и должны быть осмысленны и существенны.

Арье Барак

Родился в 1952 году в Москве. С 1992 года проживает в Израиле, в Иудейской пустыне. Автор нескольких религиозно-философских книг и сотен публицистических статей, печатавшихся в израильской газете "Вести". Книги посвящены главным образом проблеме взаимоотношения иудаизма и тех аспектов европейской культуры (эксистенциализм, художественная литература), которые можно рассматривать как духовные эквиваленты религии. В книгах также рассматриваются переклички диалогов религий, в первую очередь иудаизма и христианства, но также ислама и восточных учений. Публицистика посвящена актуальным политическим проблемам Израиля.

ИУДАИЗМ И ХРИСТИАНСТВО

Христианский враг

Пожалуй, ни одна религия не вызывает у иудаизма столько неприязни, столько подозрений и опасений, сколько христианство. Выраженной христианофобией страдают не только харейдим, но и религиозные сионисты, вроде бы решившие вдумчиво относиться к внешним традициям, и даже искать в них "рассеянные искры". И казалось бы, к кому этот подход может в большей мере относиться, чем к христианству?

Недавно под крылом религиозных сионистов была издана книга "Христианский враг". Предисловие к этому в целом "редакционному" изданию написано равом Шломо Авинером, популярным поселенческим проповедником, выделяющимся своей образованностью и широтой взглядов. Но в этом вопросе и он занимает весьма непримиримую позицию.

Вскоре после демонстрации в защиту Иерусалима в январе 2001 года мне довелось слышать по Аруц-7 беседу р. Авинера, в которой он утверждал, что участие в этой демонстрации было предосудительно, так как она частично финансировалась христианскими организациями. В течение четверти часа этот авторитетный раввин убеждал свою аудиторию, что христиане были и остаются миссионерами, что это волки в овечьей шкуре, что любой контакт с евреем христиане используют с целью его обратить. Он соглашался, что их желание помочь Израилю искреннее, однако поскольку в последнем счете христиане рассчитывают на то, что рано или поздно евреи обратятся, что такова последняя цель их поступков, то принимать их помощь опасно.

С самых разных сторон мы слышим о христианской угрозе; слышим о том, что в Израиле действуют многочисленные миссионеры. Однако при этом мало кто задается вопросом, в какой мере это миссионерство может считаться действительно христианским.

Нет сомнения, что деятельность многих сект представляет серьезную духовную угрозу, причем не только для евреев. Жизнь миллионов обитателей нашей планеты следует признать изуродованной различными харизматическими деспотами типа корейца Муна. Сопротивление деятельности этих сект, на мой взгляд, дело вполне законное и даже необходимое. Но при чем здесь христианство? Тем, кто так много говорят об угрозе миссионерской деятельности по отношению к евреям, не вредно бы знать, что на сегодняшний день от этой деятельности отказались решительно все западно-христианские конфессии.

Католическая церковь, сохранявшая миссию по отношению к язычникам и мусульманам, упразднила ее в отношении евреев. То же касается и протестантов. Всемирный христианский миссионерский альянс, в который входят все ведущие протестантские церкви, действует во всех странах мира, включая страны ислама, но в Израиле деятельность этой организации сведена лишь к символическому представительству. Те, кто прицельно охотятся за еврейскими душами - либо адепты маргинальных сект, либо частные лица, деятельность которых не поощряется их церквями.

Разумеется, - и в этом р. Авинер прав, - многие христиане продолжают желать евреям "принять Христа" и верят, что в конце времен именно это и произойдет, хотя и не считают себя вправе торопить события.

Однако прежде чем высказаться в адрес этой представительной части христианских друзей Израиля, я бы хотел обратить внимание, что в официальной политике большинства западных церквей начинает вырисовываться идея полного и "вечного" отказа от задания "обращения" евреев. И для этого имеются свои серьезные теологические причины.

Новые веяния

В послевоенном западно-христианском мире все больше стали понимать, что иудаизм нужен христианству "живой", что у евреев не просто имеется свой отличный от христиан путь, но что "отличность" это-

го пути является гарантом жизнеспособности самого христианства. В церкви все больше стали ощущать, что обе религии выигрывают, когда они сохраняют свою относительную различность, и обе теряют, когда приходят к единому "христианскому знаменателю".

У меня имеются на этот счет свои соображения, которые при случае я, возможно, еще представлю на суд читателей. Но сегодня я предлагаю краткий обзор того, что говорится на этот счет среди самих (западных) христиан.

Католический теолог Джон Павликовский (США) пишет в этой связи: "На данном этапе религиозной истории христианам необходимо признать, что иудаизм продолжает играть уникальную, исключительную роль во всеобъемлющем процессе спасения человечества... Подлинный диалог между иудаизмом и христианством, реальное теологическое осмысление их взаимоотношений могут начаться только с четкого осознания различий между двумя религиями".

Эта тенденция наметилась после 2-го Ватиканского собора (1965) и его декларации "Nostra Aetate"; после того, как папа Иоанн XXIII с горечью воззвал к Создало: "Мы осознаем теперь, что много веков слепота поразила наши очи, так что мы не созерцали более красоты Тобою избранного народа и не узнавали более в лицах их черт нашего брата - ближнего".

С той поры христианский мир отбросил так называемую "заместительную" теологию (Церковь пришла на смену Израилю) и стал выработать теологию дополненности заветов, дополненности общин: еврейской и христианской. Так в "Послании французского Епископата" (1969) говорится: "Первый завет не превратился в ветхий под воздействием нового. Он остается его корнем и источником, основанием и обетованием... его следует принять и признать в первую очередь в нем самом". А в "Пояснениях" (к декларации "Nostra Aetate" - 1985) открыто говорится именно о "партнерстве" общин.

Ватиканские решения вызвали лавину теологических ответов, призванных эти решения проинтерпретировать. Прежде всего подверглось критике традиционное представление о конфликте Иисуса с традицией иудаизма. Упомянутый католический теолог Джон Павликовский пишет: "Последнее десятилетие отмечено замечательными достижениями научной мысли в изучении "иудейства" Иисуса. В результате традиционная концепция, согласно которой Иисус решительно противостоял закону и отменил последний, - концепция, по сути дела, составлявшая ядро всей церковной теологии и проповеди, - оказалась под большим вопросом".

Многие теологи, как католические (Мец, Хельвин, Павликовский), так и протестанские (Ван Бюрен, Экардт, Рютер, Ниттер) предлагают отказаться рассматривать Иисуса как Мессию евреев, но только народов. Протестант Кларк Уильямсон называет христианство "иудаизмом для язычников". Он отказывается от идеи Христа как единственного посредника. При этом им высказывается идея паритета заветов.

Аналогичной концепции придерживается Рой Экардт. Он пишет в своей книге "Младшие и старшие братья": "Если и есть истинный смысл в том, что Бог уникальным образом открыл себя в Иисусе из Назарета, необходимо отметить, что тайна этого божественного акта в принципе не превосходит своим величием тех священных актов, посредством которых осуществлялось первоначальное избрание Израиля".

Со своей стороны англиканин Джеймс Паркс учит о двух принципиально различных, но дополняющих друг друга актов откровения: на Синае и на Голгофе. Он уверен, что при несомненной связи евреев и христиан, между ними до конца века будет пролегать пропасть. Ближайшую модель предлагает Курт Рилардам, подчеркивающий не последовательную (она признавалась всегда), а именно одновременную дополненность заветов, при которой каждый из заветов заинтересован в самостоятельном сохранении другого.

В особенности последовательна и интересна в этом отношении позиция протестанта Шоневельда. В

своей книге "Иисус и иудаизм" (1985) он пишет: "Когда иудей говорит "Тора", христианин говорит "Христос". По сути они говорят об одном и том же, хотя и совсем разными словами. И иудеи, и христиане призваны идти путем Торы, учения Бога Израилева, который есть Путь, Истина и Жизнь. Иудеи проходят этот путь, составляя единый народ Израиля, участвуя в Синайском завете через исполнение "мицвот"... Христиане проходят этот же путь, составляя единое Тело Христа - праведного иудея, который сам был воплощенной Торой, - участвуя в его жизни, распятии и воскресении через таинства и жизнь в вере". При этом Шоневельд фактически соглашается с тем, что подобное "участие" запрещено для религий еврей.

Многие указывают на парадоксальность связи Израиля и Церкви, на то что Иисус в той же мере соединяет, сколь и разъединяет Израиль и народы, что парадокс этот обладает своей теологической продуктивностью.

Признание самоценности завета с Израилем закономерно поощряет в христианской среде сионистские настроения. При всем том, что многие христиане - сионисты не прочь приблизить "эсхатологические времена", когда евреи "примут Христа", их первый побудительный мотив вполне бескорыстен. Содействуя репатриации евреев в Эрец Исраэль, они чувствуют себя исполнителями древнего пророчества: "Вот Я внесу к народам руку Мою, и перед племенами подниму знамя Мое, и они принесут сыновей твоих в поле, и дочери твои несомы будут на плечах" (Иешая 49.22).

Как известно, стараниями христианских сионистов с 1980-го года в Иерусалиме действует всемирное христианское посольство (кстати, на прошлой неделе в Иерусалиме проходил организованный этим посольством четвертый Библиейский сионистский конгресс).

При всем том, что христианский сионизм нельзя назвать массовым явлением, многие его идеи разделяет достаточно широкий круг верующих. В этой связи можно привести следующие слова Мартина Лютера Кинга из его книги "This I believe" "Это моя вера" стр. 234-5 (1961): "Тот, кто критикует сионизм, критикует евреев. Все мы радуемся осуществлению Божественного обещания, видя, что народ Божий наконец возвращается на свою родину, которая у него была украдена. Быть антисионистом - это значит отрицать за евреями фундаментальное право, то право, которое мы считаем незбытым для всякого африканского племени.... Антисионизм - это антисемитизм".

Насколько я могу судить, среди христианских сионистов преобладают те, кто мало задумываются о дополненности заветов и соответственно желают евреям того же, чего желают себе - "встречи с Иисусом". Но повод ли это для того, чтобы отворачиваться от искренних друзей? Не лучше ли просто отдать их пожеланиям верное направление? Не лучше ли просто задуматься над тем к чему действительно может обязывать еврея христианская вера?

На мой взгляд, ни р. Авинеру, ни христианским фундаменталистам в равной мере нечего беспокоиться за судьбу евреев в ее связи с миссией Иисуса (каковой бы она не оказалась). Дело в том, что "встреча с Иисусом" (кем бы он ни был) у каждого еврея происходит на общих основаниях, в качестве встречи всех евреев на путях исполнения Торы. Если, как верят христиане, Иисус действительно воскрес, то ортодоксальные евреи имеют часть в его победе на основании того, что все еврейские души связаны в единый узел. Ведь еврейский народ разделяет единую ответственность, и те его праведники, на которых держится мир (считается, что в каждом поколении их 36), по преимуществу анонимны. Для того чтобы "спасти" заслугами этих праведников, другим евреям вовсе не обязательно с ними в этом мире "лично встречаться". Единственно, что евреям действительно следует делать, так это исполнять заповеди Торы, и все остальное приложится им.

(«Маханим»)

РАЗГОВОР НА РАССВЕТЕ

Моя палатка стоит у обрыва реки, порожистой, непокорной, бесконечно шумящей порою злым рокотом, высказываясь таким образом только ей ведомое недовольство. Наступает очередной рассвет в моей геологической жизни. Прохладный туманом потянуло от реки. Легкий ветерок прошестел в листьях березы, высокой и красивой. Первые косые лучи солнца пробились сквозь ее листья, создавая причудливый узор на тенте палатки. Сегодня 20 июля, день рождения моего отца. Его не стало в 54 года. На его могиле нет ни креста, ни звездочки, да и самой могилы нет. Жертвы ГУЛАГа, каковым был мой отец, хоронились неведомо где и неизвестно как.

17 июня 1940 года в Ригу вошли советские танки. Препятствия не стало. Болью в сердце отдаются удары прикладами винтовок солдат НКВД в дверь нашего дома в половине третьего ночи, также в июне, но только годом позже. Мы оказались арестованными: папа, мама, сестра и я, мальчишка шестнадцати лет. Далее нас ожидал длинный состав товарных вагонов. В каждом вагоне по обе стороны дверей два яруса нар из неструганных досок, посередине маленькая железная печка, а позади её нечто в виде слива для человеческих нужд. Я не помню, как люди справлялись со своими надобностями. Среди нас оказалась женщина, которая пожертвовала, прихваченную в спешке, старую простыню в качестве "занавески". Получилось что-то похожее на театр абсурда, в котором актеры были только в черно-белых тонах.

Затем потянулись тридцать два дня пути, проведенными в замкнутом пространстве забитого людьми вагона. Среди нас были маленькие дети, пожилые люди и такие как мои родители. Были также юноши и девушки моего возраста и чуть постарше, которым труднее всего было перебороть чувство стыдливости за "парашным" занавесом.

Пересекли Волгу, позади остался Урал. Чувство глубокого уныния охватило всех. Стало ясно, нас везут очень далеко, откуда, скорее всего, обратного пути нет, и не будет. Взрослые уже были слышаны о страшных сибирских лагерях, о далекой Колыме, где люди погибали десятками тысяч, только не думали, что это может их самих коснуться.

За Уралом внезапные остановки в чистом поле стали частым явлением, мы пропустили встречные воинские эшелоны. Сомнений более не оставалось: началась война с Германией. Не стану скрывать - многие "пассажиры" этому радовались.

На бескрайних просторах Западной Сибири наша охрана стала как бы "помяче", менее жестокой. На остановках подолгу двери оставались открытыми, бежать-то было некуда. Люди могли на охраняемом, но все же свободном пространстве справиться со своими нуждами, посидеть на траве, подышать свежим воздухом.

Обстановка в вагоне становилась все напряженнее. Не хватало воды, еды, не говоря уже о горячей пище, которая нам доставалась только на крупных станциях больших городов. На них был возможен обменный торг с местным населением. В ход шло все. Какие только вещи не вытаскивались из чемоданов, баулов и просто тюков, собранных во время ареста. За ведро картошки шли золотые украшения, добротная одежда, халаты, ночные шелковые сорочки. Даже один стакан муки имел свою определенную цену, ведь из нее можно было быстро приготовить обыкновенную болтушку для маленького ребенка. Я помню глаза местных жителей, одетых нищенски, как они цеплялись в красивые вещи, не забывая при этом, что узники эшелона все равно отдадут любую свою вещь, лишь бы накормить своего голодного малыша. Чувство сострадания у местных жителей

отсутствовало начисто. Они видели в нас врагов народа и были о таких слышаны достаточно. Помню смешной, но полный трагизма случай, когда пожилая женщина предлагала на обмен настенные часы с боем, Бог весть каким чудом оказавшиеся у нее в багаже. Они получили "высокую оценку". Только намного позднее мне стал понятен этот бредовый случай, когда увидел и ощутил ту невероятную бедность, в которой жили люди, именуемые колхозниками. Но это будет потом, а пока шла борьба за выживание в вагоне, как впрочем, и во время всего пребывания в ссылке. Для тех, кто сумел выжить, она длилась долгих семнадцать лет.

Шел двадцать седьмой день нашего, казалось, бесконечного пути. Проснувшись от грохота колес на стрелках рельс, я почувствовал, поезд мчится со страшной скоростью. Приподняв голову, в сумерках вагона я увидел отца, сидящего у кого-то в ногах на нижних нарах и курящего папиросу. Это крайне удивило меня, так как последние годы отец не курил. Ему запрещали врачи. Я выполз из плотного ряда тел и подсел к нему, прижавшись к его плечу.

- Папа, почему ты не спишь? - спросил я тревожным голосом.

- Я не сплю уже не одну ночь. Душа болит за всех вас и, особенно, за тебя, - добавил он грустным голосом.

Отец глядел на меня глазами, полными тоски и боли, и стал тихо рассказывать о своей юности, как он женился на маме, как был счастлив, когда родился я, наследник. Тихо и спокойно лилась его речь, глубоко западая мне в душу.

- Меня скоро не будет с вами, продолжил отец, не для этого нас всех арестовали, чтобы мы могли быть вместе. Не много осталось ждать. Ты самый младший в семье, до сих пор ты был и самым маленьким. Однако так уже более не будет. Ты сразу, в один день станешь взрослым, и этот день наступит тогда, когда меня рядом не окажется. Ты должен будешь очень быстро взрослеть, от тебя этого требовать будет сама жизнь. Постарайся, сын мой, иначе тебе будет плохо, а возможно даже очень плохо, ты можешь погибнуть.

Затем отец рассказал мне, что он тоже был самым младшим в семье, причем семьи большой и многодетной. Одних братьев у отца было шестеро. Все они стали работать в юном возрасте. Уходили в посыльные, становились мальчишками на побегушках, а часто даже для битвы. Постепенно все взрослели, им выбирали девушек в жены, сами становились главами таких же больших и обездоленных семей, рано умирали в разных краях и городах от болезней и скудости жизни. Далее отец стал рассказывать о том, как родители хотели его, последнего и самого любимого, сберечь, подальше поддержать под своим крылом, но этого им не удалось: на учебу в школе не хватало средств. Достигнув тринадцати лет, отец был отдан в ученики в ателье по пошиву верхней одежды. Вскоре и отца проявилась способность к созданию в рисунках новых моделей одежды. Он прекрасно рисовал и обладал видением нового в пошиве одежды, особенно женской. К двадцати годам он стал мастером своего дела, женился и вместе с моей будущей мамой постепенно создал фирму по продаже женской одежды, которая в середине тридцатых годов покорила половину женского населения Латвии. Судя по фотографиям того времени, папа был очень хорош собой, высок, красив, блондин с голубыми глазами и интеллигентен. Об этом говорил весь его облик. Мама была среднего роста, в молодости очень красива, обладала мягкими округлыми чертами лица, но железным характером и деловой хваткой, свойственной, как сказали бы сегодня, настоящей "бизнес-леди".

Рассказав о своей юности, совместной жизни с мамой, отец надолго замолчал. Потом крепко меня обнял и стал говорить уже совсем о другом. Он обращался уже лично ко мне, касался моей будущей жизни, непредсказуемости которой так волновала его. Отец говорил об обязательных нормах поведения, что бы ни случилось в жизни.

- Сын мой, продолжал отец, ты можешь оказаться в таких условиях, когда немалым трудом будет вставать по утрам и начинать свой новый день. Но первое, что ты должен сделать, - это умыться, шею, руки, пусть ледяной водой пусть снегом, но только умытый человек может считать себя личностью.

Странно, но отец как бы предвидел, что, будучи на Крайнем севере, мне придется при лютном морозе вставать в четыре часа утра и топором прорубать в ведре замерзшую за ночь воду.

В том предрассветном разговоре отец коснулся опасности, которая таится в изнуряющем и постоянном чувстве голода. Он как будто предвидел, что и это мне не миновать в столь еще юной жизни.

- Ты уже узнал здесь, в этом вагоне цену хлеба. Но это еще не самое страшное. Для тебя может настать такое время, когда кусок хлеба окажется дороже всего золота мира. Не торопись его съедать, потерпи, собери всю свою силу воли, раздели тот единственный кусок хлеба на три части и он придаст тебе силы на весь день. Помни, в этом хлебе твоя жизнь.

Далее отец коснулся взаимоотношений мужчины и женщины.

- Я знаю, у тебя в школе была подруга, ее, кажется, звали Анной. Она тебе нравилась, ты был ей не безразличен. Это хорошо, школьная любовь должна быть у каждого мальчишки, она чистая. Ты будешь привлекательным юношей. Девушки и женщины будут на тебя заглядывать, но помни, женщины нельзя обижать. Они единственные, кто может продлить род человеческий. В любви к ним можно ошибиться, но если придется уходить, пожелай ей счастья и тихо закрой за собой дверь. Настанет миг, когда ты найдешь свою единственную, как я нашел твою маму.

Для нас наш поезд остановился в городе Канске, в 170 километрах от Красноярска. Определили на поселение в деревню Анцеры, где мы первоначально работали в колхозе. Четыре месяца спустя в нашу жизнь снова вторгся "черный ворон". 9 декабря 1941 года, глухой сибирской ночью от нас забрали отца. Больше мы его не видели.

Я поведал эту печальную повесть не для того, чтобы "еще один стакан влить в море боли и страданий". Я просто не мог об этом не рассказать.

Уже находясь после ареста отца в Туре, "столице" Эвенкии, мы изредка получали письма из "почтового ящика № 235". В нем было 10 так называемых "лагпунктов". Отец побывал в первом, втором, седьмом и десятом. Последний, видимо, был лагпунктом смертников. У Жан-Жака Руссо есть такие строки:

"Не дай вам Бог узнать такую тьму,
Где бьет озноб от холода и страха,
И безнадежный, будто путь на плаху,
День завтрашний уже вам ни к чему".

Остается лишь добавить, что предлагаемый рассказ написан в 1968 году, в память об отце, которому исполнилось бы 80 лет. И еще, свидетельство о реабилитации на основе Закона РСФСР "О реабилитации жертв политических репрессий" автору было вручено 20 апреля 1993 года, то есть 52 года спустя. Этим сказано многое, если не все...

Гарри Лак

В Центре национальных культур Республики Карелия состоялась презентация книжки Дмитрия Цвибеля "Мой папа".

Как говорит сам автор в преамбуле книжки: "Советское время никак не располагало к откровенным разговорам. Даже в семье родители мало рассказывали детям о прошлой своей жизни. Так многие и ушли, не оставив свидетельств. А эпоха была полна событиями необычайно трагичными, оставила рубцы, которые еще не скоро заживут."

Даже поколение, родившееся уже после этих катаклизмов, ощущает их влияние, и, может быть, только наши дети смогут освободиться от разрушительных последствий происшедшего. Но для этого нужна память, память о том, что было, чтобы попытаться разобраться в причинах, породивших столь чудовищную эпоху.

Но кроме эпохальных событий существовала и обычная жизнь обычных людей. Они не выбирали себе эпоху и жили, работали, растили детей. У них были свои горести и радости, отчаяние и надежда...

Я хочу рассказать о своем отце, прежде всего, для себя и для того, чтобы оставить свидетельство своим детям. Рассказать то, что сохранила моя память, что удалось восстановить по рассказам знавших его. Это не биография, скорее - это отдельные эпизоды, впечатления, общий образ, бесконечно дорогой для меня".

В книжке рассказана судьба человека из еврейского Бобруйска начала XX века, прошедшего через советский детский дом, ставшего музыкантом, воспитавшего трех сыновей... Все так просто и обычно, но, как и в каждой жизни, уникально. Написанная искренне и хорошим языком, эта книжка - еще одно свидетельство об ушедшей эпохе.

Еврейская религиозная община
выражает глубокую благодарность за поддержку газеты
МАРГАРИТЕ СИЙККИ

Еврейская община имеет честь выразить благодарность
за помощь семье
РЫБАК (Канада)

На состоявшейся Региональной конференции "Межкультурный диалог: традиции, формы, практика в поликультурном образовательном пространстве Русского Севера", организованной Карельским государственным педагогическим университетом, Министерством Республики Карелия по вопросам национальной политики и связям с религиозными объединениями, Администрацией города Петрозаводска с докладом "Воспитание жизнелюбия в еврейской семье" выступил председатель еврейской общины Дмитрий Цвибель. Он кратко остановился на истоках еврейских Законов о семье, рассказал о традициях, связанных с воспитанием детей в еврейской семье, системе обучения. Выступление было выслушано с большим вниманием. После выступления завязалась интересная дискуссия, в которой Д.Цвибель ответил на многочисленные вопросы, попутно коснувшись и темы антисемитизма в современном мире.

Программа региональной конференции «Межкультурный диалог: традиции, формы, практика в поликультурном образовательном пространстве Русского Севера» (30 сентября - 2 октября 2007 г.г.)

"Чти отца своего и мать свою, дабы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе". (Шмот, 20:12)

Это пятая заповедь из Десяти. Считается, что человек жив, пока жива память о нем. Поэтому в йорцайт родителей (годовщину смерти) принято читать кадиш. Для этого необходимо узнать день смерти своих еврейских родителей по еврейскому календарю (это можно сделать, позвонив по телефонам 78-39-38 и 53-29-09) и в ближайшую к этой дате Субботу прийти в синагогу для чтения кадиша.

Не упускайте шанс выполнять эту важную заповедь!

Еврейская община с глубочайшим почтением поздравляет своего ребенка
Левина Ефима Лейбовича
с днем рождения! Здоровья, бодрости и до ста двадцати!

Наша кухня

Салат из картофеля с яблоками

Репчатый лук - 15г; яблоки - 50г; картофель - 125г; растительное масло - 10г; столовый уксус 3%-ный - 15-20г; соль; молотый перец.

Отварной картофель нарезать кружочками средней величины, лук порезать полукольцами, яблоки очистить от кожуры и мелко нарезать. Обмакнуть каждый кусочек картофеля в уксус, соединить с яблоками, луком, добавить соль, перец, заправить маслом и все аккуратно перемешать.

Салат из моркови, яблок и орехов

Морковь - 40-50г; яблоки - 30-40г; грецкие орехи - 10-20г; мед - 10г; зелень петрушки - 10г; сливочное масло - 5г; лимон - 10-15г.

Морковь натереть на крупной терке, яблоки мелко нарезать, растолочь очищенные орехи и слегка обжарить в масле. Соединить все ингредиенты, добавить мед и перемешать, посыпать зеленью и сбрызнуть соком лимона.

Салат из картофеля

1 кг картофеля, 1/4 ст. накрошенного лука, 1/5 чл. соли, 1/4 чл. перца, 1/2 ст. майонеза, 2 стл. уксуса

Отварите картофель в кожуре, затем очистите и нарежьте кубиками. Добавьте лук, посолите, поперчите. Смешайте с майонезом уксус и полейте салат, осторожно перемешайте. Салат можно подавать горячим и холодным.

ПРИЯТНОГО АППЕТИТА!

**ЛУЧШЕ СТРАДАТЬ ОТ
НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ,
ЧЕМ ВЕРШИТЬ ЕЕ**

Пословица

**ХЭСЭД АГАМИМ
ПОЗДРАВЛЯЕТ С ЮБИЛЕЕМ**

ГУРЕВИЧ Инну Еселевну
ДЕГТЯРЕВУ Лидию Константиновну
ИВАНОВУ Лиру Дмитриевну
НИЗОВЦЕВУ Беллу Владимировну
МОТИНУ Ольгу Демьяновну
БРУСНИКИНА Валерия Тимофеевича
ЛАНЦМАНА Анатолия Самуиловича
ЛЕВИНА Бориса Александровича
СМОЛЯНСКОГО Григория Борисовича
СТАРОКОНЬ Дмитрия Семеновича
МАЗЛ ТОВ И ДО СТА ДВАДЦАТИ!

Издатель: Петрозаводская еврейская религиозная община
185035 г. Петрозаводск, а/я 360,
тел. (814-2) 78-39-38 e-mail: talit@karelia.ru

Редакторы:
Давид Генделев
Дмитрий Цвибель

Компьютерный набор, верстка и офсетная печать выполнены фирмой "Принт", 185001, Петрозаводск, пр. Первомайский, 1,
тел. 78-20-18, факс 78-12-26
Тираж 300 экз.